

ЗАКОДИРОВАННАЯ РОССИЯ

НЕВЕРОЯТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
НАРКОЛОГА,
ПРИВЕДШИЕ К ТРЕЗВОСТИ
ВСЮ СТРАНУ

роман-
квaziутопия

Александр Крыласов

Закодированная Россия

«Автор»

2011

Крыласов А. А.

Закодированная Россия / А. А. Крыласов — «Автор», 2011

Эта история могла произойти только в одной стране – России. Однажды врач-нарколог решил сделать доброе дело (а заодно, и заработать денег) и с помощью методики «25-й кадр» закодировал целую страну. И вся Россия вмиг протрезвела...

© Крыласов А. А., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Часть первая. Программа	6
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Александр Крыласов

Закодированная Россия

Забудьте всё, что вы знали про алкоголизм и его лечение.

Это самая нужная книга в России. Кому, как ни наркологу знать все думы и чаяния русского народа. Открытия, сделанные по ходу повествования, сродни открытиям Галилея. Старина Галилео первым додумался, что Земля круглая и вращается вокруг Солнца. До него предметом дискуссий было только одно: на трёх китах или трёх слонах покоится Земной шар. Следите за ходом моей мысли, и к концу романа я открою вам страшную тайну, после которой отношение к алкоголю у вас поменяется раз и навсегда. Поэтому книгу желательно прочитать всем пьющим и созависимым: жёнам и тёщам, мужьям и любовникам, а также детям младшего дошкольного возраста, включая младенцев.

Часть первая. Программа

На календаре светилося пятое июня. В связи, с чем за окном шёл дождь. Город-Геморрой Москва трудно просыпался. Да и что за радость вылезать из-под одеяла в такую погоду. Сева задался извечным вопросом, чтобы бы собой представляла столица, если бы она находилась на широте, допустим, Сочи. Выходила полная фигня: южане, по определению, не могут так истово работать и бухать как северные варвары. А раз так, то пора выныривать из постели и не забивать свою голову с самого утра. Так, кто у нас будет сегодня лечиться от пьянства и алкоголизма? Опаньки, депутат! Мало того, известный депутат. По протекции. Значит, денег не будет. Будет много слов, обещаний сделать членом своей партии и в случае победы на ближайших выборах, озолотить. Но с деньгами эти ребята даже мысленно не могут расстаться.

Зазвонил телефон. Это был он, депутат. Его голос был бодр и развязен.

– А это я. Ну, ты понял кто. Готов меня встречать? Как там бабы раздеты?

– Угу, надуты. Ждут представителя власти.

Депутат резко сбавил тон.

– Ну, я уже на подходе.

Был он толст и одутловат. Маленькие острые глазки сверлили навывлет. В них читался один вопрос: будут у него вымогать деньги или не будут? Сева не стал. Депутат успокоился и гордо поучаствовал в психотерапевтической беседе, прошёл необходимые манипуляции, написал расписки и, готовясь прошмыгнуть мимо Севы, начал что-то бляеть насчёт множества своих друзей, также нуждающихся в кодировке, редком даре доктора, вдохнувшего в него жизнь и пр. Доктор, также участвуя в этой постылой игре, стал расшаркиваться, давать умные советы, типа: «Не дышите много чужим перегаром», не забывая проворно распахивать дверь, чтобы спровадить неприятного типа. И тут у депутата зазвонил телефон. Звонок напоминал звук колокола. Мужик буквально заметался. При Севе говорить ему не хотелось, но и выходить на лестничную клетку тоже не улыбалось. Выразительно посмотрел на своего спасителя, дескать, выйди ты. Ну, это уже было слишком. Сева сделал такие глаза, такие, как на плакате: «Прерывание заповор испугом». Государственный муж смирился и быстро затарахтел, разруливая какие-то свои партийные заморочки. Доктор уже давно возился с компьютером, когда депутат закончил свой бесконечный диалог. Подойдя к наркологу и положив ему руку на плечо, произнёс: «Ну, доктор, наступил твой звёздный час. Говорил сейчас с секретарём Партреза, им позарез нужны предвыборные ходы. Я сведу тебя с парой людей и ты, парень, в дамках».

– Я же сказал, денег не надо, услуг тоже, – устало произнёс Сева.

Депутат начал конкретно его доставать. Но теперь мучитель уже не спешил распрощаться и урулить по своим делам, а, снова плюхнувшись на диван, попросил поподробнее рассказать о Севином методе, патентах и секретах изготовления заветных дисков. Он особо напирал на то, что люди, облечённые властью должны всё знать, и скрывать что-то от них – государственное преступление. Сева стал хихикать. Это частные патенты и открывать технологический процесс стоит только в том случае, если Партрез купит его патенты. А если нет, то даром – за амбаром. И вообще, товарищ депутат, вас, наверное, уже дома заждались. Когда новоявленный трезвенник, наконец, отвалил, Сева подумал, что люди, профессионально занимающиеся политикой и вурдалаки, близнецы-братья. Кровь пьют литрами, да ещё светлое будущее обещают.

Через час зазвонил телефон.

– Это говорит референт Генерального секретаря Партреза. Нам необходимо встретиться. Через пять минут подадут машину. Возьмите всё необходимое, чтобы продемонстрировать Генеральному секретарю ваши изыскания.

– Ваши что? – Сева заржал, – Антип, ты что ли? До первого апреля ещё далеко. Я не спирт, меня не разведёшь.

– Это говорит референт Генерального секретаря Партреза, – повторил тот же металлический голос, – обязательно возьмите паспорт и все патенты. На приём к главе Партреза необходим тёмный костюм и белая рубашка.

– Костяра, ты? Какой тёмный костюм? Мой первый и последний костюм был справлен к школьному выпускному. Ты чего, с дуба рухнул?

– Туфли должны быть начищены и никаких колющих и режущих предметов, – бубнил монотонный голос.

– Вова, возьми себя в руки. Я тебя расколол. Ищи дураков в другом ауле, а здесь они не вода...

Фраза застряла у Севы в горле. За окном его хрущёвки стояла кавалькада чёрных «мерседесов». И не трудно было догадаться, к кому они нагрянули.

В «мерседесе», зажатый двумя охранниками, Сева испытывал двоякое чувство: во-первых, жутко потели ладони, ужасно хотелось их вытереть о джинсы, во-вторых, так и подмывало как-нибудь, этак лихо состричь. Ну, что ладони потели понятно – вегетатика шалит, да и вообще, не каждый день в Партрез вызывают (и что такое этот Партрез), но остричь-то зачем? А то, там, на Красной Площади место такое есть. Лобным называется. И вот на этом самом Лобном месте всяким острякам бошки рубят. Чтобы, значит, не хихикали, а слушали царя-батюшку и почитали. Хотя от одного слова Партрез уже в смех кидает, да и головы рубили рядом с Лобным местом. Эскорт проехал по Тверской и остановился возле жёлтого здания с малоприметной табличкой. Внутри было холодно и роскошно. Что ни говори, а роскошь нужна не столько за тем, чтобы потешить богатых, сколько придавить бедных, показать им, какие они жалкие букашки. Усилием воли, сбросив робость, Сева нарочито громко закашлялся и почесал ногу об ногу. В результате чуть не навернулся. В кабинете, размерами похожими на авиационный ангар сидел Козявкин Михаил Сергеевич, Генеральный секретарь Партреза. Улыбка его была на удивление приятной.

– Здравствуйте, Всеволод Андреевич, здравствуйте. Наслышаны мы про ваш метод.

– Здравствуйте, – буркнул Сева, – только он не мой. 25-й кадр открыл Джеймс Вайкери, принадлежит он человечеству, а я только адаптировал его в наркологию. А сейчас занимаюсь контент-терапией.

– И хорошо занимаетесь. Так, что полстраны закодировали. А нужно всю страну вылечить. Сможете?

– Сделаем! – в голосе Севы зазвучали бравурные нотки, – только нужно немного денег на компьютеры и зарплату мультипликаторам.

– Это сколько? – поинтересовался Козявкин.

– Тридцать тысяч евро, – гаркнул Сева, и сам испугался своей цифры.

– Это не деньги. Получишь триста тысяч евро и за дело.

– Так, а что я должен сделать-то? – по-прежнему тормозил Сева.

– Как что? Закодировать Россию от пьянства. Понимаешь, сейчас много партий развелось. Все что-то предлагают, обещают, пиарят себя. А реального-то никто ничего предложить не может. А тут мы с твоей контент-терапией, да всенародным пьянством. Так и так. Доктор Крылов сейчас всех вылечит раз и навсегда.

– Да нет. Наркология – наука, а в науке принято не чудеса творить, а лечением заниматься. Есть ремиссии, есть обострения. Как при гипертонической болезни или, например, язвенной. Ну, допустим, год не пьют, потом рецидив. Потом опять ремиссия. Давайте на один год ремиссию устроим.

– Нет, мало. Год как-то несерьёзно обещать. Электорат не поймёт, особенно женский. Давай хотя бы пять.

– А вы вообще представляете, что будет, если Россия на пять лет со спиртным завяжет? Страшно представить.

– Да ничего не будет. Только работать лучше станут, да в тюрьмах нары освободятся.

– Не скажите. В России водка покруче религии будет. Если...

– Так, – прервал его государственный человек, – дебаты ты с Виталиком разводить будешь. Он у нас за пиар ответчик. А у меня, извини, дела. Оксана, проводи доктора к Сюсюкину и в бухгалтерии скажи, чтобы ему триста тысяч евро на счёт перевели. Что? У тебя и счёта нет? Ты, что с Урала? Ладно, там разберутся, куда переводить. Освобождай кабинет.

Сева вышел на ватных ногах. Ничего себе, закодируй всю Россию. Интересно это как? И триста косарей дали. Теперь попробуй что-нибудь не так сделать. Скальп снимут, и съест заставят. А с другой стороны – чего париться? Они сами не знают, чего хотят. Посмотрим, какой такой этот Виталик. Виталик оказался колоритным типом. Наголо бритый, в стильных очках. На его джинсах дырок было больше, чем звёзд на небе. А майка, вся в весёленьких надписях предназначалась скорее для ночных клубов, нежели партийных коридоров. Но Виталик чувствовал себя здесь, как рыба в воде. Севу он тут же хлопнул по плечу, назвал Севаком и предложил по благу за полцены купить «ауди ТТ».

– Да я на метро езжу.

– А что так?

– По Сеньке и шапка.

– Ничего, теперь на «мерине» ездить будешь.

– Я пока вообще не въеду, что делать-то?

– Ни б. Красный наш, зелёный общий. Лучше скажи: сколько ты бабла попросил?

– Попросил тридцать, дали триста.

– Ну, ты лошара. Мог запросто два лимона зелени попросить, дали бы без звука.

– Ни фига себе, вы суммами оперируете. Как говорит один мой друг: «У этих богатых нету совести».

– Расслабься, теперь ты в нашей команде. С лавандосом проблем не будет. А пока отдыхай, на сегодня и так много впечатлений. Слушай, а это ты написал?

И Виталик с выражением прочитал:

Мой ответ алкобаронам.

Вы посягнули на самое святое, что есть у россиян. На возможность завязать. Имеется в виду с алкоголем. В какой-нибудь компании в предвкушении весёлой пьянки, все шумят, перебивают друг друга. Кто разливает, кто хлебушек режет. И вдруг один накрывает рюмку ладонью и говорит: «Я завязал». И все почтительно замолкают. Вот, дескать, попил мужик, почувствовал, а сейчас в завязке. Понимаем. Ну, конечно, кто-нибудь бестактный полезет с расспросами: «Наверное, торпеднулся, кодирнулся или кадр посмотрел»? Но его одёрнут – не лезь, не наше, мол, дело. Завязал и завязал, а как не важно. Главное, понимаем. И после третьей или пятой рюмки, когда Христос по душе босиком пробежал, кто-нибудь мечтательно скажет: «А я тоже пойду сдаваться. Надоело бухать. Пора обсохнуть». Ведь Россия это не только водка и баня, но и возможность вот так открыто и гордо, сказать: «Я завязал». И все поймут, и все одобрят. Может, он потом и развяжет. И такого дрозда даст – мало не покажется. Но это потом. А пока завязал. Завязал и точка. А по всем телевизионным каналам через каждые двадцать минут реклама. А там пиво. Тут тебе и Клинское, и Арсенальное, и Фостерс, и Туборг. Да всё с шутками, да с прибаутками. Да мужики все сытые, гладкие, да пена так красиво стекает. А покажите этих мужиков после трёхмесячных запоев, когда они головой о стены бьются, красных ёжиков из ушей достают. Не показывают. А почему? А потому что в битве между наркологией и пивоваренными компаниями, безусловно, побеждают последние. С большим отрывом. А там всё просто: квасьте мужики, допивайтесь до циррозов, белых горячек и эпилептических при-

падков. Потому что водки и пива в магазинах немерено. А тут некоторые выбывают из соревнования, завязывают, понимаешь, наносят урон вино водочным баронам. А то, что девушки замуж выйти не могут, (парни-то не просыхают) – их проблемы, а то, что население страны сокращается – наплевать, а то, что тюрьмы переполнены (большинство преступлений совершается по пьянке) – растереть. Главное, чтобы у них всё было хорошо. У тех, кто спиртное производит. А также у тех, кто спиртное продаёт. Я лечу зависимости больше двадцати лет. Ровно столько же совершенствую метод. Когда ещё не было компьютеров, мы с мультипликаторами делали видеоряды по локоть в краске. Я совершенно искренне верю, что будущее за телевизионными и компьютерными технологиями. Только возможности телевидения способны подавить влечение к алкоголю, никотину, наркотикам, игре и прочим аддикциям. Человек падает в бездну, и если я его не вытащу, то хотя бы замедлю падение. Ремиссия шесть месяцев – хорошо. Ремиссия один год – вообще замечательно. Зигмунд Фрейд за всю свою карьеру пролечил двести человек. Мой счёт идёт на десятки тысяч. Неработающий метод невозможно эксплуатировать двадцать пять лет. Он подтверждён тремя патентами. 15 июля 2003 года методика разрешена Минздравом РФ. Метод не только разрешён, но и рекомендован для применения на всей территории Российской Федерации. А сколько раз его пытались у меня украсть, душевно приговаривая: «плохую лошадь вор не уведёт». А сейчас я разработал высокотехнологичный метод контент-терапии, его у меня точно никто не стырит. В России предрасположенность к алкоголизму – 86 %. А у северных народов – 100 %. А у испанских басков – 0 %. А на Кавказе ни одной белой горячки, ни зафиксировано. О чём это говорит? О дури человеческой или хроническом заболевании, обусловленном множеством причин? Я хотел бы только одного: уравнивать наши возможности. Если вы обладаете мощным телевизионным ресурсом, то и мне предоставьте такую возможность. А там посмотрим, как наше население будет минеральную водичку водочке предпочитать.

– Ну, я. А что не нравится?

– Наоборот. Готов подписаться под каждым словом.

Через неделю Сева попытался загнать Виталика в угол вопросом: «Так что мы делать-то будем»?

– Прикалываться, понял, прикалываться. Покажем тебя, Севак, допустим, в воскресенье в прайм тайм по первому каналу. Ну, ты речугу толкнёшь о вреде пьянства и алкоголизма. Потом про свой метод расскажешь, про воздействие на подсознание, ну, чего тебя учить-то. Мы на заднем плане патенты твои покажем, разрешения, сертификаты, лицензии, счастливых родственников, пальмы в кадках, детей на качелях, а потом скажем, что через неделю в это же время ты проведёшь свой сеанс в прямом эфире. И пусть все смотрят. И закодируешь этих козлов на год. Вот не пойму, чего с одним годом связываться? Упёрся как баран, давай на пятёру. Пускай пять лет, просыхают, уроды.

– Виталик, ты не въезжаешь, если перекрыть кислород с алкоголем даже на год, будет полный трындец, а уж на пять – Третья Мировая начнётся.

– Обоснуй.

– Что обосновывать? Горбачёв только попробовал сухой закон ввести и струйку с водярой потоньше сделать – и всё социализму каюк. А ты хочешь наглухо кран перекрыть. Запрет всегда заканчивается мощнейшим взрывом. Кстати, именно, после сухого закона в разы возрастает потребление алкоголя. Нужно тщательно всё, подготовив, по всей стране в наркологических кабинетах поставить телевизоры, DVD, медиаплееры и гонять там мои Программы. Под наблюдением квалифицированных наркологов, которые и будут вести отбор пациентов. Пусть медленно, зато верно можно решить проблему алкоголизма в России. А вы хотите в один миг забабакать такую сложную задачу. Очень даже возможны непредсказуемые волнения и бунты.

– Большому кораблю – большую торпеду. Значит, после первого показа всю неделю анонсы будут по всем каналам выходить, в газетах статьи, по радио передачи. Ждём, мол, воскресенья. Нет, ты понял – воскресенья от пьяной кармы. Это нереально, какая клёвая мысль, надо запомнить. Да все жёны своих мужиков перед телеками посадят и к креслам верёвками привяжут. За неделю надо так всем засрать мозги, чтобы весь электорат на тебя смотрел. Ну, посмотрят на тебя и твой сеанс и за пивом побегут, а там опа: все магазины и ларьки закрыты. А утром в понедельник по всем каналам криминальная хроника. Этот выпил водки и сдох, этот портвешку принял и лапы склеил, этот пивка хлебнул и в реанимации. А в магазинах вино водочные отделы закрыты. А по ящику вакханалия: кто выпил – умер, кто понюхал – в коме. И так недельку с утра до вечера. И трындец. Закодировали Россию.

Виталик радостно потёр руки.

– А мы по пиву, и будем участливо наблюдать, как эти олени станут газировкой давиться.

– Ты что, серьёзно? Да за такие шутки нам с тобой быстро головы оторвут. Ну, ладно, ты рекламщик, тебе всё по барабану, а почти четверть века людей лечу. Я волк наркологии, понял? Допустим, сеанс мы проведем, и ужасы про последствия покажем. Эффект будет ломовым, сто пудов. Телевизионный экран увеличивает внушаемость в десять раз. Ты въезжаешь, в 10 раз. Например, то, что я тебе говорю, идёт в масштабе один к одному, если то же самое прочитаешь в газете – один к двум. А по телевизору – один к десяти. Подсознание совершенно беззащитно перед телевизионным экраном и сопротивляется, первые семь минут, а потом впитывает всё в себя как губка. Это особенности человеческой психики, понял, недоумок. А если такая большая аудитория, то за счёт индукции (воздействия одного человека на другого) в сто раз повышается гипнабельность. Народ конкретно завяжет, но потом будет бунт, как обычно, бессмысленный и беспощадный. Алкоголь, как отверстие в пароварке, позволяет спускать излишки пара, а так кастрюля будет нагреваться, нагреваться, а потом как шарахнет, мало не покажется.

– Не грузи. Ты мне про политику не рассказывай, ещё ценуля. Ты лучше про внушаемость расскажи.

– Рассказываю. Индукция – воздействие, которое увеличивается прямо пропорционально количеству народа. Ну, чем больше людей, тем больше эффект. Как в тридцать седьмом году был вирус страха, все боялись, что ночью заберут, как врага народа. А сейчас вирус стяжательства, все гоняются за баблом, а ведь ещё пятнадцать лет назад такой истерики из-за денег не было. Синдром толпы. Возвращаюсь к наркологии. У Довженко сколько угодно было смертельных исходов. Махнул рюмочку и привет – инфаркт миокарда или инсульт. Но это, конечно, у самого Романыча, у нынешних харизма не та.

– А у тебя?

– А у меня все возможности телевидения и компьютерных систем задействованы. Я вне конкуренции. А с вашими технологическими возможностями я такую суггестию (гипнабельность, она же внушаемость) обеспечу, что на год люди про спиртное и не вспомнят. Включая и тебя, братишка.

– Меня ничем не проймёшь, я заговорённый. Ну, а Россию мы этой индукцией укантрапупим, гадам буду. Прикольно получится. Мы с тобой ещё в историю рекламы войдём, такого точно ещё никто не делал.

– Телевидение вкупе с наркологией это ящик Пандоры. Всё нужно делать под контролем дипломированных наркологов. Нельзя легкомысленно кодировать всю страну. Ты понимаешь, фуфел, что все действительно бросят бухать. Слушай, Виталик, а с подножки никак не прыгнуть? Не нравится мне всё это. Интуиция подсказывает, что добром вся эта байда не кончится. А интуиция – это способность головы чувствовать жопой.

– Клёво, надо запомнить. А насчёт прыгнуть с подножки, забудь. Теперь тебя никто не отпустит. Расслабься и получай неземное удовольствие. Не, ну, это нереально как мы приколемся.

Съёмки проходили в большом павильоне, где всё напоминало последствия ядерной войны. Горы поломанной мебели: столы, стулья, парты, скамейки, толстенный слой пыли. И только в самом углу – маленькая опушка чистоты. Белый экран, олицетворяющий чистоту помыслов как фон, и доктор Крылов как носитель абсолютного добра. На съёмочной площадке царил непринуждённая атмосфера. Телевизионщики время от времени разминались виски, а бедному доктору не давали даже воды, «чтобы вид был брутальнее» – объясняли они под дружный пьяный хохот. Особенно их веселило, что Сева действительно дипломированный врач: «Ну, прямо первый раз на нашей практике». Сначала снимали женщину, якобы жену алкоголика, которая благодарит доктора и весь его род до седьмого колена. После каждого дубля, парень, отвечающий за звук, подходил к этой роскошной блондинке и запускал руку ей под блузку, проверяя микрофон. Сева загадал, сколько раз он подойдёт к нему. Чувачок ни подошел, ни разу. Да, с ориентацией у него было всё в порядке. Опять снимали блондинку, опять маньёчек спешил проверить микрофон и всё, что его окружает. Эта братва явно тащилась от происходящего. Им нравилось всё: и предстоящая всеобщая трезвость, и раздолбанная студия, и, особенно, блондинка. Спиртное, ударившее им в голову, делало жизнь простой и лёгкой. Сева опять попытался воззвать к их голосу рассудка.

– Послушайте, крендели. Человек, завязавший с алкоголем, меняется кардинально. Я видел, перевидал весёлых пьяниц – раздолбаев, которые, перестав пить, превращались в человеконенавистников. Я знал щедрых и широких людей, которые становились жмотами. Бывает и наоборот, когда пьяные агрессоры перерождаются в агнцев. Но всегда, всегда человек меняется. А вы хотите тормознуть всю державу. У нас алкоголофильная страна. Ребёнку три года, у него день рождения. Пришли взрослые, принесли подарки. Вот тебе, Петенька, плюшевый мишка и шоколадка, игрушечная железная дорога и трёхколёсный велосипед. А теперь иди, играй в соседнюю комнату. А мы взрослые будем квасить, кирять, бухать, керосинить, дринчить, поддавать, выжирать, тятать, ляпать, разбалтывать и так далее, то есть праздновать Петенькин день рождения. Ребёнок с младых ногтей привыкает, если праздник – значит, выпивка. А потом происходит сдвиг мотива на цель – если выпивка, значит, праздник. И никуда от этого не деться. Без спиртного праздника не получается. Нужен комплекс мер...

Ответом послужило пьяное ржание. Сева всё чаще ловил себя на мысли, что ни может ничего изменить. Он-то видел приближающийся Апокалипсис, а всем было по барабану. Тогда по старой российской привычке, приходилось по-братски полагаться на судьбу и немножко на себя. И, действительно, гори, всё синим огнём. Не хотите меня слушать, бакланы, не надо. Сами кашу заварили, сами и расхлёбывайте. А мне валить надо и желательно побыстрее, чтобы под раздачу не попасть. Киношники добились бутылку вискаря и отправили гонца за пивом. Сева плюнул и стал вспоминать. После института он был распределён в главную наркологическую больницу Москвы. В первый же день Севу озадачили, объяснив, что на дворе август, время отпусков, поэтому придётся сразу остаться на ночное дежурство. Отделение клиники находилось в бывших общежитиях ЗИЛа. На стене висел плакат: «Пьянство – тормоз, трезвость – резерв». Главное, ему тут же выделили отдельный кабинет. Его коллеги, распределённые в другие больницы, ещё пять лет, писали истории болезни на коленках, в ординаторских на десять человек. А у Всеволода Андреевича уже в первый день был свой кабинет. Сева побродил по отделению, попил чай с медсёстрами. Летняя лень сквозила в их движениях. Муха, жужжа, билась в стекло. Пациенты не стонали, не требовали врача, они усердно работали на ЗИЛе, занимаясь трудотерапией. «Лафа» – подумал Сева, – «ночью посплю, весь день свободен». Часов в десять вечера поступило два пациента, мужики, как мужики. Крылов уже вовсю писал анамнез, когда пациент вскочил на стул и стал отбиваться ногами от только ему видимых тварей. Потом он сиганул на Севин стол и начал топтать свою историю болезни. «Это он зря», – подумал Всеволод Андреевич. Мужик орал что-то нечленораздельное, лягался ногами, всем

своим видом показывая, что будет биться до конца и живьём не дастся. «Белая горячка, она же делириум тременс», – без труда диагностировал молодой доктор и побежал за подмогой. От медсестёр толку было мало, пациенты приумножали славу ЗИЛа, поэтому основным помощником оказался второй пациент. Вдвоём они кое-как сняли бузотёра со стола, доволокли до койки, уложили на вязки. Причём неопытный Крылов чуть буйного пациента не придушил. Вторым всё время был верным сподвижником. Наконец, взмокшие вышли в коридор, присели на банкетку.

– Тяжёлая у вас работа, – вздохнул пациент.

– Тяжёлая, – охотно согласился Сева.

– А, вообще, хорошо тут у вас, чисто.

– Чисто, – не возражал доктор.

– Вот только крысы бегают.

– Бегают, – кивнул Всеволод Андреевич, – что? Какие крысы? Пойдём-ка, мил человек, в палату.

– Я же вам помогал, – возмутился оскорблённый больной.

– Помогал, помогал, сейчас и мы тебе поможем.

Вторая белая горячка – констатировал доктор. Так всю ночь с двумя «белочками» и проколупался.

Передача вышла в воскресенье вечером. Сева там себе шибко понравился. Такой быковатый вещун с надутыми щеками и грозным голосом. Любо дорого смотреть. По жизни-то он был хохотун, вечно рот до ушей. В профессии это мешало. Настоящий нарколог должен быть уверен в своём Божественном происхождении. Следующая неделя началась с рекламной вакханалии. По всем каналам с утра до вечера крутили Севино выступление, показывая счастливых трезвенников и их окружение. И в конце сообщалось: самое главное будет в следующее воскресенье. Друзья задолбали Севу звонками: «Что происходит, Андреич? Такой рекламы не было даже у Коперфильда. А Маршак, Майоров и Крыласов просто нервно курят за диваном. Включаешь НТВ – ты, включаешь ТНТ – ты, включаешь DVD – ты. Сева советовал им меньше смотреть телевизор и больше заниматься сексом. Под музыку Вивальди. Но рекламы его предстоящего выступления и, правда, было чересчур. По всем государственным, спутниковым, дециметровым каналам, на всех радиоволнах, во всех государственных газетах, а других нынче нет, Севино грызло торопило в светлое будущее, а наступало оно в следующее воскресенье в 21.00. Другой бы на месте Андреевича радовался, но тот пошёл к Виталику. Виталик, как обычно, сидел на столе, болтал ногами и триндел по телефону.

– Это нереально, что мы сейчас делаем. Все остальные просто щенки. Мы первые, понял, намбе ван.

– А, Севак, чего смурной? Опять переживаешь? Я тебе говорил – забудь. Механизм запущен, его не остановишь. А захочешь остановить, перемелет как мясорубка. Не нравится слово мясорубка? Хорошо, как кофемолка. Власть в России превыше всего. Деньги – туфта, их могут дать, могут отнять. Это на Западе деньги зарабатывают. Здесь дают заработать, или не дают, или, вообще, всё отнимают. Россия, что ты хочешь? Лучше давай, я тебя с владельцем медицинского холдинга познакомлю. Тоже в политику собрался. Слушай, и чего их всех в политику тянет?

– Не знаю. Не совру, если скажу, что видел мужиков двадцать, которым в политике бока намазали, они весь бизнес потеряли, забухались. А потом ко мне сдаваться пришли.

– Охренительно. Поведай, гуру, рассмеши.

– Приходит как-то раз на приём мужичонка. Костюм на нём дорогой, но вроде как велик на два размера. И рассказывает историю о «битве бульдогов под ковром». Он у себя, в Талдомском районе крепко поднялся: два колбасных цеха открыл, пять магазинов, коттеджи для дач-

ников строил, все дела. Все бандиты схвачены, все менты. И стало у него свербеть – в политику надо. Масштаб его перестал устраивать. Не хочу, мол, быть простым бизнесменом, а хочу стать районным депутатом. Ну, и полез баллотироваться. В пять минут на него два уголовных дела завели и в кутузку посадили. Всё пришлось отдать: и цеха, и магазины. Сам чудом не сел, ну, а потом, как водится, запил. Попил три месяца, устал и ко мне пришёл. Я его спрашиваю: «Что, всё так круто»? Он говорит: «Круче не бывает. Я-то думал в бизнесе толковище. Ерунда. Вот в политике да. Как из цугундера выбрался, до сих пор не верится». Вот, Виталик, и таких гавриков, которые обломали себе зубы о политику, на моей памяти было предостаточно. Причём, всех налоговая трясла, уголовные дела заводились. И каждый рад был, что хоть всё потерял, на свободе остался. И, всё равно, новые чудики лезут, штурмуют политический Олимп. Загадка.

– Никакой загадки. Палатку открыл – это как в детский садик пошёл. Сеть магазинов – как школу освоил. А политика – это как в институт поступил. А у нас, ты знаешь, все стремятся высшее образование получить. О, вот и Валентин. У него медицинский холдинг.

Валентин оказался толстым мужиком с рожей вечного двоечника. Он сразу огорошил:

– Доктор, скажите, а правда есть?

– Конечно, есть. Как без правды. Но правдой она является короткий отрезок времени. В детстве мне говорили: «Бога нет. Дедушка Ленин хороший, а дяденька Сахаров плохой. Учись хорошо, люби нашу Советскую Родину, будь примерным октябрёнком, и тебя примут в пионеры». И я верил, взрослым надо верить. И с жаром по утрам делал зарядку и чистил зубы – готовился в пионеры. Прошло каких-то жалких двадцать пять лет и, вдруг, неожиданно выясняется, что Бог всё-таки есть. Ленин – кровавый палач, а Сахаров – совесть нации. А через двадцать пять лет ещё что-нибудь выяснится. А мне что делать? Я уже давно не октябрёнок, взрослым не верю, зарядку не делаю. Остаётся верить в ту правду, в которую верит большинство. По крайней мере, это самое безопасное. А вы, Валентин, вовремя платите сотрудникам зарплату?

– Стараемся вовремя, но не всегда выходит.

– Ага, опять две правды. Одна хозяина, другая работников. Хозяин держит всех за бездельников и дармоедов, разворовывающих его добро. Работники считают его кровососом и эксплуататором, на их горбу въезжающим в рай.

– А если их больше, значит, правда на их стороне?

– Не всегда. Количество денег порой перевешивает количество голосов. По статистике всего 4 % населения владеют 80 % собственности и явно перевешивают остальные 96 % обслуживающего персонала.

– А знаете, доктор, как стать богатым?

– Очень интересно было бы послушать.

– Всё очень просто. Для того чтобы стать богатым, надо ничего не знать и ничего не уметь. Или сделать вид, что ничего не знаешь и ничего не умеешь. Вот вы, доктор, имеете медицинское образование, не пропадёте ни при каком режиме. Вот электрик, ну, там, в углу чинит розетку. У него золотые руки, он всегда востребован. Вот Виталик, циничный представитель СМИ, он непотопляем. А я, допустим, не имею никакого образования и руки у меня под карандаш заточены. А кушать-то надо. Я должен, или умереть, или, согласно теории Чарльза Дарвина, приспособиться. Как приспособиться? Ту копейку, которую вы легко потратите на глупые развлечения, я зажму в потный кулачок, организую дело, потом найму вас, и вы с вашими талантами будете работать на меня, обогащать меня, молиться на меня. А во главе угла стояло только одно. Я ничего не знал и ничего не умел.

– Лихо. Может, попробовать повторить ваш опыт?

– Попробуйте. Только не у всех он получается. Для того чтобы стать богатым, нужно везение и знание будущего. Расчёт, как правило, себя не оправдывает, а часто даже губит всё дело.

– Вы хотите сказать, что знаете будущее?

– Конечно. И вы его знаете. В нашей стране все его знают. Мы отстаём от Европы на несколько лет. У них подорожала недвижимость, и у нас она подорожала. Кто вам мешал несколько лет назад взять кредит и купить двухкомнатную квартиру в Москве за сорок тысяч долларов? А сейчас она стоит двести тысяч. Это один пример, а их тьма. Смотрите за европейскими тенденциями и проецируйте на нас, только через два, три года.

– Так просто?

– Конечно. Но я забыл предупредить, что придётся рисковать своими деньгами. Своими, доктор, а это может далеко не каждый. Подавляющее большинство физически не может расстаться с деньгами. Купить стиральную машину или холодильник – пожалуйста. Поехать отдохнуть за кордон – пожалуйста. А вбухать в рекламу, допустим, сорок тысяч евро психологически очень сложно. В голову лезут пораженческие мысли: а вдруг, реклама не отобьётся? А оно мне это надо? Лучше я новую мебель куплю. Что, не так?

– Так, всё так. Смелость города берёт, хитрость – приватизирует.

– А теперь ваша очередь, доктор. Виталик мне все уши прожужжал про вашу теорию алкогольной зависимости. Расскажите, сделайте одолжение.

– Пожалуйста, для хорошего человека ничего не жалко. По последним данным **алкогольная болезнь – болезнь нарушенного обмена по типу дешёвой энергии**. Простыми русскими словами: спирт – самый калорийный продукт в мире, посмотрите любой учебник. Допустим, мы съедаем кусок хлеба, он содержит 800 килокалорий, но для того, чтобы его переработать, организм вынужден затратить 600 килокалорий, то есть, чистыми мы получаем 200 килокалорий ($800 - 600 = 200$). То есть, из мяса, рыбы, хлеба, сыра и т. д. мы достаём пятую несчастную часть. А, выпивая рюмку водки или бутылку пива, которые содержат 800 килокалорий, наши 790. Только 10 килокалорий тратит организм на переработку спиртного. Получается, что **самый калорийный продукт в мире – спирт**. Потом следует уксус и далее по убывающей. Вы печку, чем будете топить? Сырыми дровами или сухим каменным углём? Ответ очевиден. Сухим каменным углём – тепла больше. Организм, как любая система стремится затратить как можно меньше энергии, а получить как можно больше. Вторая проблема в том, что предрасположенность к дешёвой энергии в России – 86 %, у финнов – 92 %, у чукчей, эвенков, эскимосов и других северных народов – 100 %, а у испанских басков – 0 %. Ни один ни зафиксирован. А на Кавказе ни одной белой горячки у коренного населения не отмечено. То есть, генетическая предрасположенность определяет развитие болезни, а никак не воспитание или злая жена. Если у парня родители страдали алкогольной зависимостью, он в группе риска. То же относится к близким родственникам: дяди, тёти, двоюродные деды и прочая родня, злоупотребляющая алкоголем, должна навести вас на мысль, что у вас может быть неблагоприятная наследственность. Вы, являясь носителем этих генов, тем не менее, себе ни в чём не отказываете. Сегодня пивка, завтра водочки, послезавтра коньячку. С энергетической точки зрения вы методично подсаживаете свой организм на дешёвую энергию. И на определённом этапе вам это удаётся. На самом деле, все прекрасно помнят: в 1999 году он выпивал один день, и на этом прекращал. А уже в 2000 – следовал запой три дня. Дяденька начинает психологизировать: жена такая ская, начальник козёл, компания тёплая подобралась, уходить не хотелось. Всё это отговорки, организм индивидуума пересел на другой вид энергии – более дешёвый. С этого момента начинаются запои. Не пьёт человек, нет проблем. Попала капля – тушите свет. Ведь теперь для такого мужичка нет водки и портвейна, коньяка и самогона. Есть только дешёвая энергия. Заметили, что пьющие люди сразу перестают есть, мгновенно пропадает аппетит. В защиту этой теории также говорит то, что описано множество случаев, когда запои начинались после принятия настоек. То есть, пациент накапает корвалол на сахар, чтобы поддержать сердечную деятельность, а в результате уходит в запой. Он ни сном, ни духом не собирался пить, но капли внешнего алкоголя хватает, чтобы завести процесс утилизации дешёвой энергии.

– И что же делать? – удивился Валентин.

– Изначально сознательно урезать приём спиртного, чтобы не пересесть на дешёвую энергию. А если уже пересел, это как сахарный диабет. Процесс необратим и с этим придётся жить до гробовой доски. Потом как-нибудь про ферменты расскажу.

И вот наступил день Программы. Вот так, с большой буквы она именовалась во всех средствах массовой информации. Сева выглянул в окно. Народ уже с утра разминался пивком, готовился встречать Программу во всеоружии.

– Все пропью, гармонь оставляю! – несло с улицы.

«Наверное, Витюша зажигает», – подумал Крылов. Виктор Ушанкин, Севин сосед являл собой яркий пример российского алкоголика: метр с кепкой, худой как щепка, жилистый как крабик. Трезвым его Крылов не видел никогда. На что Ушанкин бухал было непонятно. Так же как и его лучший друг Серафим Троекуров. Серафим и зимой, и летом ходил в меховой шапке, даже в самую лютую жару. Дворянская фамилия ко многому обязывала, и Троекуров никогда не распивал на улице. Может, столбовое дворянство не позволяло, а может, один раз отведав милицейских дубинок, Троекуров сделал вывод, но весь двор знал его слабость. Когда все тихо и мирно распивали в песочнице, то с Троекуровым чокались заранее, а пить он бежал в ближайший подъезд. Явившись оттуда с шальными глазами и запотевшим носом, он молодецкато бросал пластиковый стаканчик оземь как гусар и обязательно давил его каблуком. Многие не одобряли такой его расточительности и даже неоднократно хватали за грудки. Пустое. Троекуров скорее соглашался быть битым, чем отказаться от своего гусарства. Такая его размашистость, с другой стороны, вызывала уважение собутыльников, тем более что Троекуров первым кидал деньги в бейсболку на общак и никогда не требовал сдачи. Сева вышел послушать, о чём говорят «лучшие» представители народа. Так и есть, они обсуждали сегодняшнюю Программу.

– Мать их иттить, – говорил заплетающимся языком Витюша, – они хотят, чтобы вся Россия завязала.

– Они много чего хотят, – Троекуров был настроен философски.

– Этого не будет ни-ког-да, – Ушанкин рубил воздух ладонью как саблей, – Россия и пьянство едины, мать их иттить.

– Докажи? – Троекуров решил приподняться, и, не удержавшись, ткнулся головой в песочницу.

– Чего доказывать? – Витюша не любил много говорить, он хотел выпить, – лучше скажи, у тебя деньги есть?

– Деньги? – донеслось из песка, – откуда у страуса деньги?

– У какого страуса? – не понял Ушанкин.

– У такого, – глухо зазвучало из песка, – это я страус. Голову в песок спрятал, а корма наружу. Помоги стать человеком. Протяни товарищу руку.

– Да как я тебе помогу, если у тебя руки в песке?

– Ну, тогда пни посильнее.

– Это можно, мать иттить.

Ушанкин пнул Троекурова ногой и тот, вздымая песчаную пыль, завалился на бок.

– Фу, думал, задохнусь.

– У тебя деньги есть? – не унимался Витюша.

– Есть, – Троекуров от радости, что вновь стал человеком, сделал попытку выпрямиться во весь рост. Увы, попытка не удалась. Вновь голова, перевесив задницу, повлекла Троекурова в песок. Отчаянные попытки сохранить вертикальное положение успехов не имели, и снова, Троекуров так и не успев стать человеком, превратился в страуса.

– Помоги, – захрипел, так и не определившийся с биологическим видом, пьяный в умат Троекуров.

– Братан, держись, – напутствовал друга Витюха, запустив руку ему в карман и вытащив деньги, – я сейчас. Ты только три минуты продержись.

– Три минуты продержусь, – уверенно бросил Серафим из песка, – ты, главное, стаканчиков побольше возьми, я сегодня кутить буду.

Витюша поскакал к магазину.

«А может, я зря себя накручиваю», – задумался Сева – «никакая Программа этих алконюг не проймёт. Как керосинили, так и будут керосинить. А я панику развожу, на амбразуру кидаюсь. А страусы, между прочим, никогда не прячут голову в песок». Троекуров медленно завалился на бок, свернулся калачиком, и, сунув ладошки под щёку, уснул сном младенца.

– Троекуров, стань человеком, – крикнул ему Сева и пошёл к загородному имению Алексея Михайловича, где прошло детство Петра Великого. Это должно было настроить на лирический лад. Хотя с лирикой сегодня не получалось. Пьяные гастарбайтеры горланили песни и задирали прохожих. Интересно, подобное творится только в Измайлово, или везде так? Такое ощущение, что шесть дней в неделю из приезжих пили кровь все кому ни лень, но в воскресенье, приняв на грудь, они чувствовали себя завоевателями большого города, стаей Самсонов, разрывающих пасти «мэстным» хлюпикам. Милиции как всегда не было, и Сева на всякий случай переложил шокер из сумки в карман. «А этим на Программу вообще начхать, они из других сопредельных государств», – резонно решил Андреич. Теперь оставалось проводить жену в Черногорию и ждать развития событий. После аэропорта Сева решил поехать на дачу, посмотреть на происходящее из глубинки.

Первый день после Программы Сева провёл в Подмоскowie. Нужно было осмотреться и решать, что делать дальше. В сценарий, нарисованный Виталиком, он не верил, считал, что всё будет гораздо хуже. Сон, рваный и чуткий, погружал в такие ужасы подсознания, что Сева счёл за благо бодрствовать. Тихое, подмосковное утро умиротворяло. Роса, приятно холодившая ноги, ласковое солнышко, по-приятельски заглядывающее в глаза, весь неторопливый дачный уклад способствовали поднятию несколько угнетённого Севиного духа. Куда направляться тоже было ясно – к местному магазину и уже на месте по ходу дела принимать решения. На завалинке сельмага сидели два мужика и о чём-то горячо пререкались. Точнее, всё время бухтел один маленький, щуплый, с лицом, похожим на печёное яблоко. Подойдя поближе, Сева увидел то, что и ожидал увидеть. Прямо перед ними на расстоянии полуметра стоял пузырь портвейна. Сева по опыту знал, что если Москва давно уже перешла на водку и пиво, то в провинции по-прежнему отдавали предпочтение креплёным винам. Сказывались маленькие зарплаты и желание поскорее залить шары. Лечить приезжих, кстати, было гораздо приятней, они не козыряли десятью кодировками и приятельскими отношениями с Ксенией Собчак.

– Ну, чё, Михалыч, дёрнем что ли?

– М-м-м.

– Да ладно, Михалыч, это же программа такая есть. «Розыгрыш» называется. Там какому-нибудь артисту баки забьют, что типа менты у него на хвосте, или он соседей затопил, ну этот перец мечется, извиняется. А когда совсем переконит, слезу пустит, тут ему нате-пожалуйста – розыгрыш. Тут, он конечно в крик, типа я сразу догадался, сразу вас вычислил. Только поздно, все видели, какой он ссыкло. Давай, Михалыч, не бзди, открывай.

– Сам открывай, – отказал Михалыч, степенный мужик, кудрявый и светлоглазый.

– Чего ты как чабан. Вон, перед первым апреля сказали, что хлеб снова будет по карточкам, так моя дура, аж пятьдесят буханок купила. Главное, довольная такая, коза безрогая, к голодухе подготовилась. А потом Колька, бульдозерист раскололся, что хлеб заплесневел, ну и пустили слух, мол, перебои будут. Дуры бабы.

Помолчали.

Щуплый зашёл с другой стороны, – «целых пятьдесят рубликов отдал. Чего я куя деньги-то? Я вон сейчас к Кольке бульдозеристу пойду, с ним и вмажу».

– Иди, – равнодушно отмахнулся Михалыч.

– И пойду, он не такой конявый как ты. Какую-то фигню по телеку показали, так он сразу в штаны наложил.

– Ну, а если ты, Юрка, такой храбрый, так и пей один, чего ты? Зачем я-то тебе?

– Ну, как. Я ж по-человечески.

– Ага, по-человечески. А когда нам «торпеды» вшили, ты тоже по-человечески меня подбивал. Главное дело, сам не стал, ждал, когда я выпью. А когда я чуть Богу душу не отдал, в деревню побежал. «Михалыч кончается, Михалыч кончается». Нет бы мне, искусственное дыхание сделать.

– Я не умею.

– А не умеешь, чего тогда подбиваешь.

– Дурак ты, Михалыч, это они нас на понт берут. Проверяют на вшивость. Кто выпьет – наш человек. А кто нет, тот гнилушка, потенциальный предатель, таких не берут в космонавты. К Кольке пойду.

– Мужики, – донеслось из магазина, – идите быстрее радио слушать. Спорщики, нехотя зашли в сельмаг, Сева тоже подтянулся к прилавку. Передавали хронику происшествий: «Счёт умерших от употребления спиртного шёл на тысячи. Люди, выпившие хоть каплю алкоголя умирали в страшных мучениях. Особенно потряс случай в городе Климовске. Один сорокачетырехлетний мужчина, придя на строительство дома к своему тестю, вместо того, чтобы заниматься тёсом бруса, предложил выпить прямо с утра, мотивируя, что знает доктора Крылова как облупленного. К счастью, никто не согласился. Тогда этот смертник, выпил, не сходя с места, двести граммов водки и упал бездыханный. Все попытки вернуть его к жизни не увенчались успехом. К счастью, его жена вспомнила, что накануне, вылила водку в раковину, а вместо неё налила воды из-под крана. Услышав это, чудом, воскресший горе-экспериментатор встал, как ни в чём, ни бывало, и занялся тёсом бруса. Остаётся только благодарить Провидение и эту мужественную женщину, даровавшую своему мужу вторую жизнь. К сожалению, это единственный счастливый случай. Остальные закончились смертельным исходом». По радио настоятельно советовали категорически избегать алкоголя, а людям, совращавшим на алкоголизацию давать достойный отпор.

– Слышал, Юрка, давать достойный отпор, – задумчиво произнёс Михалыч и саданул своим нехилым кулаком прямо в печёное яблочко. Юрка так и покотился по полу как яблоко падалица.

А по радио тем временем нагоняли жути. Оказывается, действовала не только Программа с 25-м кадром. В результате диверсии западных спецслужб в алкогольные напитки был подсыпан штамм бактерий, наподобие сибирской язвы. В случае употребления таких спиртных напитков может наступить асфиксия. Как бы спохватившись, диктор перешёл на человеческий язык: всё спиртное стало палёным: и водка, и вино, и пиво. Употребление их сразу ведёт к мучительной смерти. К счастью, безалкогольные напитки вражескому воздействию не подвергались, так что их распитие не возбраняется. Будьте бдительны, – вещало радио, – всех провокаторов, подбивающих вас выпить на троих, тут же сдавайте в ближайшее отделение милиции. Продавцам вино водочные отделы немедленно опечатать и ждать дальнейших распоряжений правительства. За нарушение государственных предписаний и самоуправство грозит наказание вплоть до высшей меры. Сева обернулся. Сельмаг был уже полон. Мужики и бабы стояли с торжественными лицами, как на прослушивании сводок Совинформбюро. Благоговейную тишину нарушил дедок, нагло впёршийся с улицы.

– Зинка, фуфырик давай.

– О, Ероха, – зашумели в магазине, – опохмеляться пришёл.

Ероха, удивлённый таким скоплением народа в столь ранний час, сразу перешёл в атаку.
– Я ранетый в кровавых боях, мне без очереди.

Но его и так безропотно пропустили к прилавку.

– Зинка, оглохла что ли? Фуфырик давай. Трубы горят, мочи нет.

– Отфуфырился ты, Ероха, – злобно заметила продавщица.

Дед, не слушая, развязывал тряпицу с мелочью. Интересно, автоматически отметил про себя Сева, вроде всего пятнадцать километров от Москвы, а совсем другая жизнь. В автобусах, какие– то мухи кусучие летают, мелочь в тряпочках завязанных носят.

– Зинка, тетеря, Агдам давай.

– Ероха, ты что, вчера телевизор не смотрел?

– Какой телевизор? Я его пропил давно. Бормотуху давай, дура.

– Не будет тебе никакой бормотухи, и даже пива не будет. Вон, лучше радио послушай.

А по радио торжественный голос с болью в сердце оповестил слушателей, что невиданная провокация врагов в отношении коренного населения России уже унесла двести тысяч жизней ни в чём не повинных людей. Народ стоял, сжимая кулаки, а при упоминании населённых пунктов, особо пострадавших от рук фанатиков, тихонько матерился и подвывал. Наибольший гнев вызвало сообщение, что на нескольких пивоваренных заводах произошло самоутопление террористов в чанах с варящимся пивом. В связи с чем, вышеуказанные пивоварни закрываются на длительную профилактику.

– Мутота, – перебил диктора надтреснутый голос Ерохи, – вон токо што Митроху задутото видел. И хоть бы хрен ему. Давай бормоту, зараза.

– Не дам.

– Дашь, сволочь.

– Не дам. Сказала, не дам. Мужики, чего стоите, выведите этого горлопана отсюда.

– Не трожьте, меня. Я припадошный, – заблажил Ероха, пытаясь уцепиться за прилавок, но силы были не равны, и через пять секунд его тело уже валялось в придорожной канаве.

– Не дам. Никому не дам, – никак не могла успокоиться испуганная продавщица, – вам, алкашам, только шары залить, а мне расстрельная статья? А у меня двое детей малых. Никому ничего не дам.

Впрочем, никто и не настаивал. Только неугомонный Ероха, поднимаясь и отряхиваясь, вопил:

– Я и дихлофос пробовал, и три пшика и политуру. Меня лопатой не убьёшь. Да я от палёной водки, может, только здоровей делаюсь. Не хотишь бутылку отпускать, не надо. К Нюрке – самогонщице пойду, она не откажет. И пошёл в сторону деревни, бедовый человек. Мужики уважительно посмотрели ему вслед. Из толпы вышел страдалец Юрка, левую половину его лица украшал лиловый бланш, как будто от долгого лежания на земле бочок яблока подгнил.

– Чего-то они в правительстве не дотумкали. Надо бы денежную премию выписывать тем, кто самогонщиц выдаёт. Рублей так пятьсот, – голос его был мечтательно задумчив.

«Дотумкают, обязательно дотумкают», подумал Сева, – «тем более что в информаторах недостатка не будет». Пора было возвращаться в Москву. На платформе никто не разминался пивом, что казалось уже необычным. А ведь Россия никогда не была пивной страной. Мы же не Чехия, не Германия, климат у нас студёный. Поэтому ещё пятнадцать лет назад пиво пили только студенты да инженеры. Большинство населения за свои кровные предпочитало покупать более серьёзные напитки: водку и креплёные вина. Но за последние годы, благодаря массовой рекламе, страна сделала крен в сторону пива. «Клинское – продвинутое пиво», «Три медведя – сказка для взрослых» и т. д. и реклама сделала своё чёрное дело. Во всяком случае, молодежь пил только пиво, даже в метро не в силах расстаться с ним и в позе горниста отбивал деньги, затраченные на его раскрутку. Что говорить, даже во Франции и Италии неуклонно

снижается потребление вина, на смену приходит вездесущее пиво. В электричке, где обычно половина едущих мужчин, а то и женщин потягивали пивко и прочие «отвёртки» из банок, царил сухой закон. Сева вспомнил слова своего коллеги, доктора скорой помощи Валентиныча: «Счастье в нашей стране – это ехать в электричке и посасывать пивко». Открывать своё дело опасно и накладно. Горбатиться на других обидно. А вот пить пиво в электричке легко и приятно. Значит, подпадает под категорию счастья. Правда, другой его приятель считал, что «счастье это шесть тысяч долларов, заныканных от жены. Если попрут с работы, можно спокойно, не торопясь, искать другую, а не судорожно метаться в поисках любого трудоустройства, лишь бы вовремя выплатить кредиты и не умереть с голода». Если исходить из одной тысячи долларов в месяц счастье продолжалось полгода. Что ж, Севины приятели завышенными амбициями не отличались. Разговор в вагоне, конечно же, крутился вокруг Программы и диверсий вражеских сил. Мнения разделились. Молодой парень в дешёвом костюме и белой рубашке с неизменным жёлтым галстуком, судя по всему, менеджер младшего звена, выражал сомнения в возможности такой масштабной диверсии.

– Не, ну как так можно на территории всей страны отравить все спиртные напитки? Я не понимаю! А безалкогольные, значит, не отравлены? Такого просто не может быть. Это противоречит здравому смыслу, – иногда срываясь на повизгивание, вопрошал он. Мужская половина вагона была с ним согласна. Женская колебалась.

– А чего? Враги на всё способны, – прокудахтала неимоверно толстая женщина, ласково прижимая к груди корзинку с клубникой.

– Да откуда их возьмётся такое количество врагов? – вскочил петушком тощенький менеджер и гордо закрутил головой, предлагая оценить его логический дар.

– Ну, может, они наших каких женщин подговорили, – неубедительно высказала мысль толстуха.

– Ну, вот вас, женщина, например, можно подговорить? – с видом прокурора парировал субтильный умник.

– Меня нет, – с испугом отеклась слониха от своих слов и больше в споре участия не принимала.

– Вот видите, – торжествовал умный кролик.

– Молодой человек, а вам не приходила в голову другая версия?

– Какая же? – менеджер, войдя во вкус, собирался с лёгкостью отразить и этот наскок.

– Что это сделано нашими спецслужбами? А?

В вагоне повисла нехорошая тишина. Все обернулись на дядечку, осмелившегося выговорить такие слова. Был он в годах, но подтянут, изрядно лыс, но пряди умело, перекинуты через темя, вроде бы в старом спортивном костюме, но чувствовалось, что в своё время он стоил побольше выходного костюма своего оппонента.

– А что? Правительство решило бороться с разнузданным пьянством. Но не по-горбачёвски половинчато. А по-сталински, до конца. Разрубить, так сказать, гордиев узел российской расхлябанности. А как вы хотите? Лес рубят, щепки летят. Полумеры в нашей стране не проходят. По приказу сверху всё спиртное делается непригодным к употреблению. Народ предупреждён. Предупреждён народ, я спрашиваю?! – внезапно рыкнул говоривший.

В вагоне аж присели.

– Предупреждён. Все доступные средства массовой информации задействованы.

Как раз в это время, двери вагона распахнулись, и вошёл книгоноша с тощей кипой газет и журналов в руках. Судя по его счастливому виду, пресса сегодня разлеталась влёт. Не дав ему даже рта раскрыть, пассажиры, расталкивая друг друга, ринулись за газетами, зашелестели страницами. «Алкоголь косит людей как траву», «Отравленная водка», «Диверсия на пивзаводах», – кричали заголовки. Позволив людям утолить информационный голод, Староста вагона, а теперь он воспринимался только так, задумчиво продолжал:

– Так, сейчас 7 часов, 45 минут утра. А уже все предупреждены. Кто может выпить в такую рань? Ну, вы понимаете кто? И без разговоров! – опять рыкнул он в сторону менеджера, который хотел подать голос. Тот послушно заткнулся. Да, какая-то часть населения пострадает, самая не законопослушная, подчёркиваю, часть, – ласково продолжал он, – зато остальная может без балласта шагать в светлое будущее. Ведь никто не велит пить нехорошую (он явно избегал слова «отравленную») водку.

Народ притих, собираясь шагать в светлое будущее без пьющего балласта. Порыв ветра, залетевший в вагон, вздыбил волосы Старосты Вагона, и они, позорно приоткрыв лысину, взлетели вверх и затрепетали подобно мини знамени.

– А, в общем-то, народ наш трёхжильный, хороший у нас народ. Не из таких испытаний с честью выходил, выйдет и сейчас, не сомневаюсь. А вы, товарищи?

Все послушно закивали головами, включая Севу. Правда, не совсем было понятно, как кивать, как да или как нет. «Вот это да», – подумал Сева. Он всё чаще ловил себя на мысли, что комментирует происходящее как сторонний наблюдатель. Ещё бы, он являлся во многом зачинщиком происходящего, и как всякий творец наблюдал за плодами своих усилий. Вот это номер. А ещё всякие умные политологи говорят: «к прошлому возврата нет, тоталитаризм сдох, у демократии нет альтернативы». Ещё восьми утра нет, а вот, пожалуйста, диктатура в отдельно взятом вагоне. И свой диктатор есть, и послушный электорат. А менеджер этот худосочный, наверняка, в замы метит, вон, как преданно на вождя смотрит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.